



УДК 94(47).07-08

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

И.Т. ШАТОХИН¹⁾
С.Б. ШАТОХИНА²⁾

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

¹⁾*e-mail:shatohin@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail:shatohina@bsu.edu.ru*

Негативное отношение помещного дворянства к гражданской службе создавало постоянный дефицит управленческих кадров. Государство, рассматривая дворянство как опору трона, пыталось мотивировать дворян на занятие должностей в коронном управлении льготами и преимуществами в карьере. Не имея должного в этом успеха, оно вынуждено было постепенно открывать дорогу представителям других сословий в канцелярии коронных учреждений. Конфликты между предводителями дворянства и губернаторами второй половины XIX века свидетельствуют о сохранении неприязни помещного дворянства к чиновничеству.

Ключевые слова: государственная служба, бюрократия, дворянство, корпоративные институты, буржуазные реформы.

Отношение дворянства к государственной службе, юридически определенное «Жалованной грамотой дворянству», уже к началу XIX в. привело к серьезным кадровым проблемам, прежде всего, на нижних этажах государственного управления. Сокращение доли дворян в составе чиновничьего корпуса наблюдалось на протяжении всей второй половины XVIII в.¹ В значительной мере это было осложнено проведением губернской реформы 1775 г., в ходе которой были расширены штаты местных учреждений. Заполнение новых мест вызвало большие затруднения. Только к концу XVIII в. в ряде губерний удалось комплектовать новые учреждения и нередко людьми случайными и элементарно неграмотными². Так, в Тверской и Вологодской губерниях в 1798–1799 гг. доля потомственных дворян в местных учреждениях составила соответственно 31,88 % и 33,66 %. В то время как остальные штатные места классных чиновников были заняты обер-офицерскими сыновьями, выходцами из духовенства, купечества, сыновьями канцелярских служителей, солдат и, даже, отпущенных на волю крестьян и бывших господских людей³.

Интересные свидетельства современников, прекрасно иллюстрирующие отношение дворянства к государственной гражданской службе и мотивацию неприязненного их отношения к такой форме служения царю и Отечеству, собрала Л.Ф. Писарькова. Генерал-лейтенант и историк Н.Ф. Дубровин, характеризуя состав служащих местных учреждений в начале XIX века, писал: «...присутственные места заполнялись часто людьми недостойными, безнравственными и совершенно необразованными. Молодые дворяне до 20 лет больше сидели дома в недорослях, пока не наступало время женить их. Тогда родители записывают их в нижний земский суд и вместе с празднованием коллежского регистратора играется свадьба... Дворянство находилось тогда в таком блаженном положении, что не желало обременять себя службой и всеми способами уклонялось от нее». По словам другого современника тайного советника Ф.Ф. Вигеля, «молодые дворяне, как известно, при Екатерине и до нее, вступали единственно в военную службу, более блестящую, веселую и тогда менее трудную, чем гражданская... собственно званием канцелярского гнушались и оно оставлено было детям священно и церковнослужителей и разночинцев». Ему вторит В.И. Евреинов: дворянство «в силу традиций неохотно шло на гражданскую службу и в особенности избегало должностей, требующих усидчивых канцелярских занятий»⁴.

¹ Румянцева М.Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России: 1762-1802 гг.: автореф. дис. М., 1985. С. 19.

² Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. С. 2. Режим доступа: http://vivovoco.nns.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM; Снежевский В.И. Приказные люди в Нижегородском наместничестве // Действия Нижегородской ГУАК. Нижний Новгород, 1903. Т. 5. С. 50.

³ Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. XVIII – XX века. М., 1999. С. 75-77, табл. 1.

⁴ Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе... С. 3.



Не имея возможности вновь сделать государственную гражданскую службу строго обязательной для потомственного дворянства, правительство всю первую половину XIX в. искало варианты привлечения в государственный аппарат представителей «первенствующего» сословия. При этом самодержавию постоянно приходилось искать компромисс между желанием максимально привлечь на все ключевые посты представителей дворянства, и стремлением сделать эффективным государственное управление, что было не возможно без высококвалифицированных профессионалов, которых, впрочем, было крайне мало не только среди дворянства, и в стране в целом.

Надеясь повысить квалификацию чиновничества, хотя бы через подъем его образовательного уровня, правительство по инициативе М.М. Сперанского в 1809 г. ввело образовательный ценз для получения VIII классного чина и, соответственно, для занятия должностей в коронном управлении, которые предполагали обладание таким классным чином. Несмотря на то, что этот указ постепенно сводился на нет другими нормативными актами, вводившими все новые и новые исключения из этого правила, политика стимулирования получения образования была продолжена. В 1834 г. для определявшихся на службу в коронные гражданские учреждения были установлены разряды, соответствующие полученному образованию. К 1 разряду были отнесены лица, имевшие высшее образование или закончившие гимназии с медалями. Они сразу получали право занять вакантные должности в государственных структурах управления с присвоением X, XII или XIV классного чина. В то время как лица со средним (2 разряд) и начальным (3 разряд) образованием для получения первого (XIV) классного чина должны были определенное время отработать на должностях канцелярских служащих. При этом дворяне имели весьма существенные преимущества для получения первого классного чина при любом образовательном уровне. Так, дворяне с начальным образованием получали чин XIV класса после 2–4 лет канцелярской службы, а дети личных дворян, священников и купцов через 4–6 лет, все же иные – через 8–12 лет. Срок выслуги для получения очередных чинов для дворян также был меньшим чем для выходцев из всех других социальных групп⁵.

Однако предпринимаемые правительством усилия по достижению своего социального идеала в формировании состава чиновничьего корпуса не увенчались успехом. Одной из главных причин этого стало то, что дворяне не рассматривали государственную гражданскую службу в числе приоритетных и подходящих статусу дворянина занятий. Если же в коронное учреждение и приходил дворянин, то его естественным стремлением было достижение «чинов не заслугами и отличными познаниями, но одним лишь пребыванием и числением лет службы»⁶.

Возможно, это стало одним из побудительных мотивов к пересмотру в 1856 г. стратегии в комплектовании корпуса гражданского чиновничества. В законе «О сроках производства в чины по службе гражданской» уже не наблюдается при чиновничьем производстве каких-либо прямых льгот для дворян и преимуществ для лиц с более высоким образовательным уровнем. Исключением из этого правила было предоставление права на более высокий чин при поступлении на службу выпускникам высших и средних учебных заведений. Дальнейшее же их производство шло по общему для всех порядку.

Закон 1856 г., на наш взгляд, следует рассматривать в русле буржуазных реформ, как законодательный акт, направленный на демократизацию государственной гражданской службы. И хотя при этом условия достижения чина, дававшего право на приобретение потомственного дворянства, для недворян были усложнены, это не снижало важности и действенности принятого решения об унификации сроков и процедуры чиновничьего производства для всех чиновников независимо от их сословного происхождения. Этот принцип был в духе последующих реформ: уравнение всех в правах перед судом, перед воинской повинностью.

По мере реализации этого важнейшего положения закона 1856 г. несомненно происходили позитивные изменения в осознании чиновничеством служебной карьеры. Равные возможности в чиновничьем производстве выдвигали на первый план профессиональные качества: компетентность, опыт, сноровку, успехи и достижения по службе, а не происхождение. Следует отметить, что существовавший барьер в достижении недворянами

⁵ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 35–37.

⁶ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 88.



определенных чинов вовсе не означал, что это глухая, непроницаемая стена. По расчетам американского историка С. Беккера, основанным на архивных материалах и на результатах исследований отечественных историков, «пополнение потомственного дворянства за счет деятелей из низших сословий и членов их семей шло следующими темпами: примерно по 1000 человек в год в 1825–1845 гг.; по 1270 человек в год в 1875–1884 гг.; по 1393 человека в год в 1882–1896 гг.; и по 1569 человек в год в 1892–1896 гг.»⁷ Эта динамика убедительно демонстрирует, что законодательно установленные ограничения на самом деле не были препятствием для ежегодно увеличивающейся группы самых целеустремленных, напористых чиновников – выходцев из недворянской среды. При этом доля лиц, получивших потомственное дворянство по службе (по орденам или по чинам), во второй половине XIX в. в общей численности сословия оставалась почти неизменной: 6,5–7 % – в 1858 и 7,5 % – в 1897 г.»⁸.

Следует обратить внимание и на обратную сторону усложнения в получении потомственного дворянства выходцами из других сословий. Политика повышения классного чина, а также изменения орденских статуты с этой целью, делали предшествующие классные чины и степени орденов более доступными для недворян, то есть создавали более широкие рамки и условия для профессиональной конкуренции всех чиновников без различия их социального статуса.

Подготовка и проведение крестьянской реформы поставили в повестку дня и проблему взаимодействия дворянства и бюрократии, причем не в контексте личного отношения дворянина к государственной службе, а в отношении дворянина-помещика к чиновничеству как особой социальной группе, стоящей между поместным дворянством и монархом. При таком подходе отношение к коронным чиновникам накануне отмены крепостного права было вполне определенным: бюрократия – это давний враг дворянства, объединивший в своих рядах корыстных, честолюбивых выходцев из всех сословий. «В России образовалось совершенно отдельное, вредное и самое нечистое сословие чиновников»⁹ – писал один из ярких публицистов середины XIX в. П.Б. Бланк. Этими словами четко и неоднозначно выражалось отношение значительной части потомственного дворянства к возможности поступления на гражданскую службу, а значит и к вхождению на полноправной основе в состав столь ненавистной бюрократии.

Другой, менее радикальный, дворянский полемист той эпохи Орлов-Давыдов прекрасно понимал, что дворянство и чиновничество – это две связанные и взаимно переплетенные социальные группы, поэтому пытался найти между ними разграничительную линию. Предложенный им критерий также содержал некоторый негативный нравственный оттенок: «Дворянин носит чин как платье, а у чиновника ... чин пристает к самому телу»¹⁰.

Наиболее показательно и концентрированно характеризуют противоречия между поместным дворянством и бюрократией отношения между губернскими предводителями дворянства и губернаторами. Губернаторы не имели права вмешиваться в деятельность дворянских собраний. Если дворяне делали представление губернатору «о своих нуждах», то он был обязан способствовать их удовлетворению. Пренебрежение к дворянским собраниям было чревато для губернаторов серьезными осложнениями, ведь дворяне могли непосредственно обратиться за поддержкой к министру внутренних дел или к самому императору. Прямым защитником их интересов на местах был выборный губернский предводитель. Отметим, что губернский предводитель дворянства, как и губернатор, имел чин IV класса по табели о рангах и по статусу занимал среди губернских чинов первое место после губернатора.

Однако отношения губернаторов с губернскими предводителями дворянства не всегда складывались безоблачно, как в дореформенный, так и в пореформенный период. Например, в Курской губернии было немало случаев неприязненных отношений между этими должностными лицами. В начале 1850-х гг. губернский предводитель дворянства А.А. Нелидов, сопротивляясь губернатору А.П. Устимовичу за влияние на полицейских чиновников, добился сенаторской ревизии и смещения А.П. Устимовича. В свою

⁷ Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 151.

⁸ Беккер С. Миф о русском дворянстве... С. 152.

⁹ Цит. по: Долбиллов М.Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 45.

¹⁰ Цит. по: Долбиллов М.Д. Сословная программа... С. 46.



очередь следующий курский губернатор уже в 1852 г. добился утверждения губернским предводителем другого кандидата, а не А.А. Нелидова, избранного большинством представителей дворянства губернии¹¹.

В 1861 г. курский губернатор генерал-майор В.И. Ден, усомнившись в бескорыстности и достойности кандидатов от уездных предводителей дворянства, назначил своих кандидатов на должности мировых посредников, чем вызвал недовольство дворянских лидеров губернии. Губернский предводитель Н.Я. Скарятин пожаловался императору. Однако Александр II занял сторону губернатора и, будучи в Курск, дал публичную отповедь губернскому и уездным предводителям: «...я увидел, что вы занимаетесь сплетнями, недостойными вашего звания. Вы жалуетесь на губернатора, который есть представитель моей власти и которого я лично знаю. Чтобы этого впредь не было!» Справедливости ради, следует сказать, что губернаторство В.И. Дена в Курске после этого не продлилось долго, уже в 1863 г. он был повышен в звании и переведен в МВД¹².

Менее благоприятной для губернатора П.П. Косаговского была его неприязнь к губернскому предводителю А.Д. Дурново. Заподозрив его в использовании в личных целях денег из дворянской кассы, губернатор повелел в отсутствие предводителя вскрыть его сейф. В результате деньги оказались на месте, П.П. Косаговский был вызван в МВД, где получил выговор от министра, а вскоре был переведен на губернаторство в Полтаву. Однако и А.Д. Дурново через год не был утвержден губернским предводителем на очередной срок, что стало для него серьезным ударом¹³.

Стойкие антибюрократические настроения дворянства в течение XIX в. имели свое развитие: они то обострялись, то затухали. Суть конфликтов между этими должностными лицами, на наш взгляд, объясняется различной мотивацией их деятельности. Если предводители отстаивали узко корпоративные интересы местного дворянства, то губернаторы стояли на страже интересов всего государства. Неудивительно, что императоры и министры в таких конфликтах поддерживали губернаторов, как государственных деятелей. При этом верховная власть стремилась погасить конфликт и удалением, разведением конфликтующих сторон, так как была заинтересована в совместной эффективной работе коронных администраторов и представителей дворянства – высшего сословия и опоры трона. Однако факты проявления верховной властью предпочтений представителям коронной администрации в их конфликтах с лидерами дворянских корпораций не способствовали снижению градуса негативного настроения помещного дворянства к российской бюрократии.

Натянутые отношения между неслужилым помещным дворянством и чиновниками учреждений местного управления иногда выливалось в открытые жесткие конфликты, доходившие до суда. По данным «Обзоров Курской губернии» из 268 дворян, осужденных Курским окружным судом в 1893 г. и 212 – в 1899, основная масса понесла наказание за «оскорбление частных и должностных лиц»¹⁴.

Справедливости ради следует отметить, что вмешательство бюрократии в экономику и социальную жизнь не всегда вызывало неприятие дворянства, так как материальные интересы дворянства и чиновничества тесно переплетены. «Оба сословия стремятся закрепить за собой социальные привилегии, связанные с исполнением должностей в государственном аппарате и подачками из казны. На этом переплетении и базируется сословная система – политический строй, выражающий интересы феодальной знати, бюрократии и правительства»¹⁵.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась серьезными изменениями в социально-экономической и общественно-политической сферах, что не могло не сказаться на появлении новых аспектов в отношении дворянства к государственной службе. Вызванные крестьянской реформой процессы экономической перестройки дворянского хозяйства

¹¹ Решетов Н.А. Дела давно минувших дней // Русский архив. 1885. Кн. 3. № 12. С. 540–542.

¹² Решетов Н.А. Дела давно минувших дней... С. 546–547.

¹³ Андреевский Н.А. Особые взгляды (из воспоминаний о П.П. Косаговском) // Русская старина. 1908. Т. 133. № 3. С. 550–552.

¹⁴ Сучкин П.Ф. Социальная структура преступности в Курской губернии конца XIX века // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья. Тезисы докладов и сообщений II Межвузовской научной конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Тамбов, 1992. С. 54.

¹⁵ Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, 1989. С. 26.



помимо прочего способствовали более активному вовлечению дворян в широкий круг всевозможных профессиональных занятий. Потеря прежних средств к существованию вновь поставила вопрос о гражданской службе, но теперь не столько как о почетной обязанности служения трону, сколько о способе получения средств к жизни. Абсолютными данными о масштабах притока дворян в коронные учреждения в пореформенный период мы не располагаем. Доля же потомственных дворян на государственной службе к концу XIX в. несколько возросла, если опираться на сравнение данных П.А. Зайончковского и А.П. Корелина. По анализу лиц, привлеченных Сенатом за должностные преступления, доля потомственных дворян в середине XIX в. составляла 19,6 %, а в конце XIX в. по расчетам А.П. Карелина их было среди чиновников V-VIII классов – 37,9 % и 22,3 % среди чиновников IX–XIV классов¹⁶.

Во второй половине XIX в. правительству удалось найти два варианта более действенного привлечения поместного дворянства к участию в местном управлении. Первый путь – это наделение в 60–80-х гг. уездных предводителей дворянства рядом административных функций по координации местного коронного управления уездами. В этом же ряду стоит и введение в 1890 г. должностей земских начальников. Второй путь – это введение всесословного института местного управления – земства. Правительство стремилось таким способом максимально привлечь в сферу управления местных хозяйством поместное дворянство, коль его трудно было прямо завлечь в стены коронных учреждений.

Если в первой половине XIX в. при назначении на должности среди факторов обуславливавших выбор кандидата имели немаловажное значение принадлежность к аристократическому роду, наличие крупной земельной собственности и крепостных душ, количество и статус наград, то во второй половине XIX в. и, особенно, в начале XX века, «в связи с появлением новых отраслей хозяйства и развитием рыночных отношений, задачи государственного управления все более усложнялись, и поэтому в карьере служащих возрастало значение фактора профессионализма. Острая потребность в специалистах вынуждала министерства и ведомства назначать на ответственные должности в обход жестких правил о гражданской службе»¹⁷.

Поэтому неудивительно, что в 1906 г. под влиянием общего стремления к переменам, правительством было признано, что все российские подданные, «безразлично от их происхождения, за исключением инородцев», имеют «одинаковые по отношению к государственной службе права, применительно к таковым правам лиц дворянского сословия»¹⁸. Уравнение в правах основной массы российских подданных в отношении к гражданской службе было важнейшим шагом в демократизации бюрократии. В этих условиях проблема отношения дворянства к государственной службе стала приобретать иной характер, однако это особая тема.

THE RUSSIAN NOBILITY AND THE STATE SERVICE IN THE XIX – EARLY XX CENTURY

I.T. SHATOHIN¹

S.B. SHATOHINA²¹

*Belgorod National
Research University*

¹*e-mail: Shatohin@bsu.edu.ru*

²¹*e-mail: Shatohina@bsu.edu.ru*

The negative attitude of landed gentry towards civil service resulted in the permanent shortage of governing staff. The state that considered the nobility as a pillar of the throne tried to use career advantages and privileges as motivation for the nobles to participate in the crown government. Without any considerable success in this, the state had to gradually open up a road for other estates to serve in the crown offices. The conflicts between the marshals of nobility and the governors in the second half of the nineteenth century attest to continuing dislike of the landed gentry towards the officialdom.

Keywords: state service, bureaucracy, nobility, corporate institutions, bourgeois reforms.

¹⁶ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России... С. 29; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России (1861–1904 гг.) // Исторические записки. Т. 87. М., 1971. С. 162–164.

¹⁷ Мельников В.П., Нечипоренко В.С. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. М., 2003. С. 81.

¹⁸ Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России... С. 115.